

Лупуляк П.В.

Образ будущего у мигрантов
с различной мотивацией продолжения миграции

Lupulyak P.V.

The image of the future among migrants
with different motives for continuing to migrate

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме миграции, рассматриваемой с позиций экзистенциального гуманистического подхода. Особое внимание уделяется теоретическим предпосылкам применения данного подхода: являясь частью общего жизненного пути человека, факт миграции обладает статусом точки бифуркации, а ее пролонгация обусловлена смысловым самообъяснением мигрантом причин продолжения миграции на всех ее этапах. Целью статьи стал анализ результатов исследования связи перспективы целеполагания, прогноза продолжительности миграции и образа будущего у мигрантов с различными типами смыслового обоснования продолжения миграционного проекта, а именно: мигрантов, имеющих четкую мотивацию продолжения миграции; мигрантов, не имеющих смыслового самообъяснения продолжения миграции; мигрантов, находящихся в миграции ради близких, и мигрантов-беженцев. Выделяются основные критерии значимости образа будущего в миграционном контексте. Анализу также подвергается проблема отсутствия или минимализации перспективы будущего в миграционном контексте. Обосновывается мысль о том, что перспектива целеполагания и планирование ожидаемых сроков миграции – ключевые элементы формирования образа будущего у мигрантов. Устанавливаются основные смысловые категории, формирующие образ будущего, и исследуется их соотношение при объединении в целостный образ. Описываются характерные особенности образа будущего у каждой из групп мигрантов, разделенных по принципу смыслового самообъяснения продолжения миграции. Создаются конфигурации образа будущего для представителей каждой из групп. На основании проведенного анализа устанавливается взаимосвязь ведущего смыслового компонента обоснования продолжения миграции, горизонта планирования, ожидаемых перспектив миграции и картины будущего у мигрантов.

Ключевые слова: мотивация миграции, психология миграции, психологическое благополучие, образ будущего, целеполагание, продолжительность миграции, обоснование продолжения миграции

Для цитирования: Луцуляк, П.В. Образ будущего у мигрантов с различной мотивацией продолжения миграции // Новые психологические исследования. 2024. № 1. С. 79–98. DOI: 10.51217/psyresearch_2024_04_01_04

Введение

На сегодняшний день феномен миграции является предметом изучения специалистов из самых разных сфер и областей, при этом психологические исследования миграционных процессов с каждым годом приобретают все большую актуальность, особенно в России, занимающей, по данным ООН (Новости ООН. Глобальный взгляд, 2021), пятое место в мире по объему входящих и исходящих миграционных потоков (Рязанцев, 2018, с. 100).

Глубинными понятиями процесса миграции являются сферы выбора, ответственности, самореализации, мотивации, экзистенциального кризиса и поиска смысла, однако проблематика миграционного опыта крайне редко исследуется с позиций гуманистического подхода. При этом рассмотрение миграционного комплекса в ракурсе экзистенциального направления представляется весьма перспективным ввиду возможности нахождения и проработки скрытых малоизученных «проблемных зон» экзистенциального плана, влияющих на психическое благополучие мигранта на протяжении всего периода его миграционного цикла.

Несмотря на мощный потенциал радикального изменения, разделяющей жизнь мигранта на «до» и «после», миграция не перестает быть частью жизненного пути, частью целого. В этом контексте в отношении миграции действуют те же законы «преемственности времени», о которых пишет А.А. Кроник: «прошлое чревато будущим, а будущее вырастает из прошлого» (Кроник, 1993, с.10). Именно ввиду значимости выбора миграции как переломного момента жизненного сценария столь важным является понятие временной перспективы, предопределяющей как отношение к настоящему, так и дальнейшее развитие личности в контексте миграционного опыта. «Векторами изменений являются жизненные планы и устремления человека» (Гришина, 2018, с. 355).

Вопросы исследования

Успешность прохождения мигрантом всех стадий психологической адаптации: эйфорической, туристической, ориентационной, депрессивной и стабилизационной (Психология кризисных и экстремальных ситуаций, 2016) во многом зависит не только от факторов среды и личных обстоятельств мигранта, но и того образа персонального будущего, который придает мотивационный импульс реализации его текущего миграционного проекта.

Основные критерии значимости образа будущего для психологической работы с мигрантами:

1. ***Будущее как смысловой ориентир.*** Вслед за В. Франклом, указавшим на принципиальную значимость образа будущего в преодолении критических жизненных ситуаций (Франкл, 2018), отметим, что в контексте миграции, предполагающей обязательное прохождение «нормативного» миграционного кризиса, обращение к смыслоформирующей перспективе будущего является мощным ресурсом совладания с тяжелыми жизненными ситуациями в настоящем.

2. ***Потенциальность будущего.*** История формирования миграционного жизненного контекста, степени включенности в новую реальность создается под обязательным воздействием временной перспективы, где будущее – это не просто момент времени, который должен наступить, оно содержит в себе элемент «я сделаю его таким» (Мэй, 2016, с. 281). Реализация потенциала через действие стимулирует осознание собственных потребностей, рефлексию, когда «желания – строительный материал реальности» (Гибсон, 2021, с. 151).

3. ***Преемственность будущего как смыслообразующей оси в семейной системе.*** Визуализация будущего начинается и развивается в семье: «Личное будущее школьнику открывают в первую очередь значимые другие – отец, мать, герои художественных произведений, авторитетные для него люди» (Кроник, 1993, с. 53). С этой точки зрения, миграция, безусловно, является переходом, способным как объединить поколения, так и полностью разорвать «связь времен». Вписанная в историю семьи миграционная «история» способна влиять на последующие поколения, формируя ментальную и этническую самоидентификацию потомков мигрантов в последующих поколениях, примерами чему может служить возвращение внуков и правнуков испанских «детей войны» на историческую родину, репатриация потомков поволжских немцев.

Вместе с тем, У. Томас и Ф. Знанецкий, изучавшие в XIX веке жизненный контекст семей польских переселенцев в США, подмечали «невероятный уровень ненависти» между родителями и детьми в семьях мигрантов (Томас, Znaniecki, 2006, с. 181) ввиду несоответствия ритма интеграции, значительно более высокого у молодежи, и рассогласования ценностной сферы между поколениями отцов и детей.

4. **Будущее как развитие и самореализация.** Миграционный проект традиционно остается одним из излюбленных и универсальных путей движения к мечте, в стремлении к которой «человек может предвосхищать будущее и даже опережать развитие собственной личности» (Леонтьев, 2007, с. 284). Именно в концентрированном импульсе «покорения» другой страны, создания образа «нового себя» кроется зерно активного личностного роста, стремления к достижениям, радости от процесса самореализации, «и чем полнее человеку удастся реализовать свой потенциал, сохраняя верность самому себе, тем выше будет уровень его психологического благополучия» (Грипина, 2018, с. 444). Активное действие, направленное в будущее, превращает людей в *создателей своей судьбы* (Мэй, 2016, с. 315).

5. **Отсутствие перспективы будущего как саморазрушение, нездоровье.** Отдельно следует сказать об «отрицательном полюсе» будущего, его антиподе в форме безвременья, отсутствия какой-либо жизненной перспективы. Л. Бинсвангер емко сформулировал эту тенденцию: «существование в состоянии неопределенности тяготеет к конечности, возможно, саморазрушению через трагический акт» (Бинсвангер, 2017, с. 245). Исследователи неоднократно отмечали связь между разносторонней перспективой будущего и психосоматическим здоровьем человека (Коржова, 2006, с. 18).

В контексте миграции внутренняя временная неопределенность может приводить к разрушительным последствиям. Нередко можно наблюдать искажение перспективы будущего в семьях, уехавших в другие страны «ради будущего детей», число которых, по разным данным, стабильно составляет значительный процент от общего числа уезжающих (Гуревич, 2005, с. 109). Парадоксальным в мотивации данной группы является то, что, уезжая «ради будущего детей», собственное будущее инициаторы переезда визуализируют с большим трудом. По наблюдениям О. Маховской, исследовавшей психологические особенности семей русскоговорящих мигрантов во Франции, непроясненность перспективы миграции эквивалентна вхождению

семьи в проблемное поле: «Мне кажется опасной советская практика замалчивания проблем в семье. Родители не говорят, насколько они приехали, что будет завтра. Они и сами не знают иногда ответы на эти вопросы» (Маховская, 2003, с.125). Этот смысловой вакуум, ограниченный кругозор жизненной перспективы обязательно проявляются у мигранта в виде экзистенциального кризиса, деструктивных форм поведения, низкого уровня психологического благополучия, что обоснованно помещает как родителей, так и детей в «группы риска», ведет к маргинализации.

Отсутствие образа будущего или его предельно узкий ракурс ввергает мигранта в стагнацию, внутреннюю амнезию: «в экзистенциальном смысле ответственность распространяется не только на то, что человек делает, но и на то, чего он не делает, проявляя бездействие, пассивность и уход от решения собственных проблем» (Гришина, 2018, с. 206).

Отказываясь от визуализации своей жизненной перспективы, мигрант теряет доступ и к ресурсному потенциалу будущего, «упуская шанс за шансом и вдруг обнаруживая, как «еще не скоро» превращается в «могло бы случиться» (Кроник, 1993, с. 35).

Методы

Для более детального изучения особенностей образа будущего у мигрантов, в 2022 г. нами было проведено исследование среди русскоговорящих мигрантов, проживающих в Испании и других странах Евросоюза, на выборке в 476 человек (133 мужчины и 343 женщины). Стаж миграции респондентов варьировался от нескольких месяцев до нескольких десятков лет. По результатам анализа ответов, участники были разделены на четыре группы, сформированные по принципу смыслового обоснования продолжения миграции:

1. Мигранты, имеющие четкое смысловое обоснование продолжения миграции (наличие центра жизненных интересов, реализация поставленных целей в новой стране) (313 респондентов)

2. Мигранты, не имеющие смыслового обоснования продолжения миграции (не способные сформулировать мотив пребывания в новой стране или полностью зависящие в своем миграционном статусе от обстоятельств) (72 респондента)

3. Беженцы (20 респондентов)

4. Мигранты, уехавшие в другие страны «ради близких». В эту группу вошли так называемые трудовые мигранты, уехавшие на

заработки за рубежом в индивидуальном порядке для материального обеспечения оставшихся на родине близких, а также переселенцы, переехавшие в полном или сокращенном семейном составе в другие страны «ради будущего своих детей» или ради других значимых близких. (71 респондент)

Одной из линий нашего исследования стал анализ образа будущего у мигрантов в зависимости от мотивации, побуждающей их продолжать в настоящее время свой миграционный проект. Для анализа представлений мигрантов о картине будущего нами изучены ответы на вопросы авторской анкеты о перспективах дальнейшей миграции и сроках формирования целей, а также свободные высказывания, полученные в ходе использования проективной методики «Биография будущего» (Вардомацкий, 1991; Коржова, 2006). Для обработки данных применены следующие статистические методы: частотный анализ и критерий хи-квадрат, дисперсионный анализ, множественное сравнение с использованием апостериорных тестов и подсчетом переменных с помощью критерия Шеффе, непараметрический критерий Краскела-Уоллиса (Сорокова, 2020), а также контент- и дискурс-анализ (Бусыгина, 2010; Хорошилов, 2012).

Результаты исследования

Частотный анализ ответов на вопрос авторской анкеты «*Как долго, по Вашему мнению, продлится Ваша миграция?*» с помощью таблиц сопряженности и критерия хи-квадрат позволил обнаружить статистически достоверные различия ($p = 0,000$) при соотнесении ответов респондентов из разных групп по типу ведущего смыслового обоснования продолжения миграции (см. рис. 1).

Наш взгляд, анализ результатов позволяет выделить две основные линии интерпретации респондентами своего миграционного опыта: принципиальную готовность анализировать дальнейшие перспективы своей миграции (как значимой составляющей общего жизненного пути) и, собственно, выбор тех или иных перспектив.

Мы видим, что в группах мигрантов, не имеющих четкого смыслового обоснования продолжения миграции, и находящихся за рубежом «ради близких» преобладает тенденция к экстернальности: почти половина опрошенных указывает на зависимость дальнейшего миграционного проекта от влияния обстоятельств, в этих же группах высок процент респондентов, в принципе не задумывающихся о перспективах своей миграции (13% и 15% участников, соответственно).

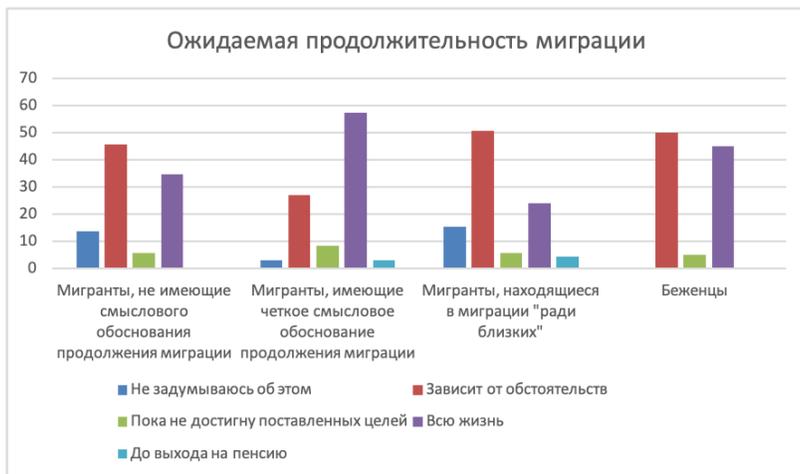

Рис. 1. Перспективы миграции в группах мигрантов с различным смысловым обоснованием продолжения миграции

Совершенно иная картина в группе опрошенных, имеющих четкую актуальную мотивацию миграции. Почти 60% респондентов заявляют о выборе в пользу пожизненной миграции, и чуть менее 10% связывают сроки миграции с достижением поставленных целей; при этом не готовы задумываться о будущем своей миграции всего 3% опрошенных из этой группы. Полученные данные указывают на более выраженную интернальность, тенденцию к принятию ответственности и реализации миграционного проекта с позиций авторства, осознанность и готовность к анализу своего жизненного пути и миграции, как его части.

В группе беженцев мы наблюдаем разделение ответов на две практически равные части: половина респондентов ставит проект миграции в зависимость от обстоятельств, вторая половина планирует остаться в других странах на всю жизнь, лишь незначительный процент опрошенных беженцев (5%) связывает миграционный проект с достижением поставленных целей. При этом обращает на себя внимание отсутствие в этой группе респондентов, не задумывающихся о перспективах будущей миграции, что вполне объяснимо с учетом кризисного фона, предварявшего выезд беженцев с родины, императивно подводящего потенциального беженца к черте выбора в пользу отъезда или пребывания на родине. Отголосками этого недавно пережитого стресса объясняется, на наш взгляд, высокий

процент ответов с позиции «ситуативности» будущего, значимого влияния обстоятельств, внезапно вынуждающих принимать решения с высоким уровнем значимости.

При рассмотрении ответов на вопрос авторской анкеты «*Когда Вы ставите перед собой цели, на какой период времени рассчитано их достижение?*» по результатам применения дисперсионного анализа также удалось обнаружить статистически достоверные различия ($p = 0,015$) в ответах респондентов из разных групп по типу ведущего смыслового обоснования продолжения миграции. При этом множественное сравнение с использованием апостериорных тестов и подсчетом переменных с помощью критерия Шеффе выявило максимальные различия средних значений между группой респондентов, не имеющих четкого смыслового самообъяснения миграции, и теми, у кого оно есть (средние значения 2,7 и 2,29 соответственно) (см. рис. 2).

Применение непараметрического критерия Краскела-Уоллиса также позволило выявить, что выбор типа целеполагания связан с принадлежностью к группе смыслового обоснования продолжения миграции ($p = 0,001$).

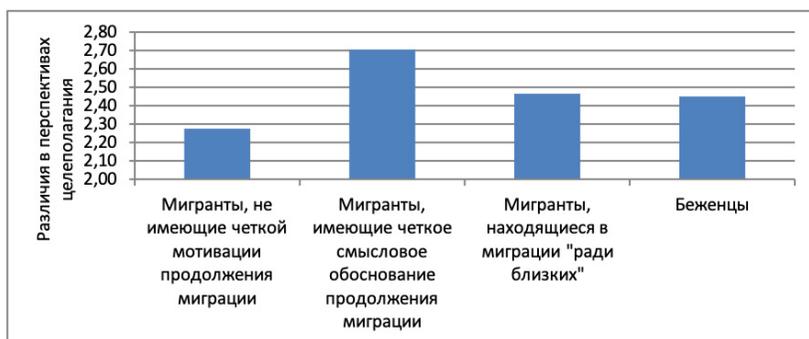

Рис. 2. Различия в перспективах целеполагания в группах мигрантов с различным смысловым обоснованием продолжения миграции

Что касается продолжительности горизонта планирования в разных группах, исходя из данных частотного анализа, отобразившего статистически достоверные различия ($p = 0,000$), мы видим, что группа мигрантов с четким смысловым обоснованием продолжения миграции имеет наиболее протяженную временную перспективу целеполагания (для каждого второго респондента горизонт планирования составляет

от года до пяти лет). Среднесрочные показатели целеполагания представлены в группах беженцев и мигрантов, живущих в миграции «ради близких». При этом предпочтение принципиальному отказу от целеполагания или целеполаганию лишь на период ближайшего года отдают предпочтение мигранты, не имеющие смыслового обоснования продолжения миграции (60% опрошенных из данной группы) (см. рис. 3).

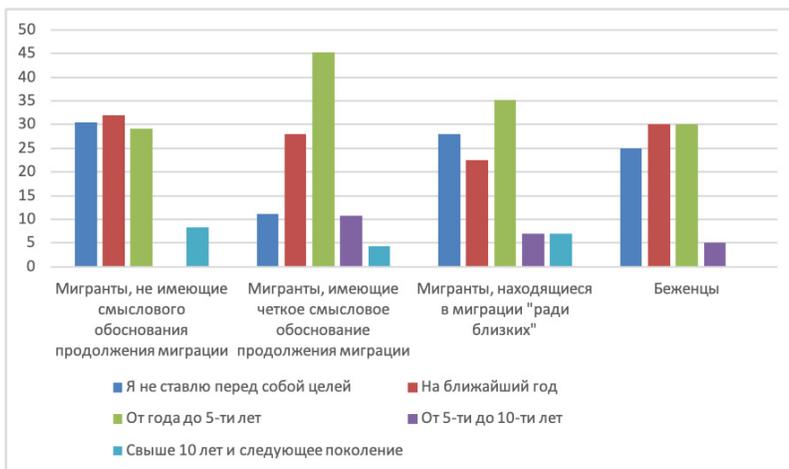

Рис. 3. Горизонт планирования в группах мигрантов с различным смысловым обоснованием продолжения миграции

Результаты, на наш взгляд, отражают тенденцию к большей осознанности, включенности в процесс собственного жизнетворчества мигрантов, имеющих четкое смысловое самообъяснение продолжения миграции, выявляют их склонность к стратегическому планированию жизни, интернальный подход. При этом представители других групп, как и в ответах на вопрос о перспективах миграции, демонстрируют более высокую степень «ситуативного» подхода к целеполаганию, принимая решения «по месту», не столько двигаясь по заранее выбранному направлению, сколько «плывя по течению».

В ходе опроса респондентам также было предложено в свободной форме порассуждать о событиях своего будущего, для чего мы использовали проективную методику «Биография будущего», достаточно неопределенную и неструктурированную, чтобы побудить респондентов к глубинным размышлениям о наиболее значимых и желаемых событиях предстоящей жизни (Коржова, 2006, с.169).

Интерпретация результатов контент- и дискурс-анализа позволила выделить ряд основных смысловых категорий, используемых респондентами при создании образа будущего.

В самую крупную категорию, представленную в высказываниях респондентов из всех четырех групп, вошли представления о будущем, затрагивающие **семейную сферу**:

Нами выделено несколько подгрупп, связанных с категорией семьи.

1) В первую подгруппу вошли представления о будущем, включающие существующих членов семьи: *«Ребёнок отучится и получит профессию», «Успешное окончание университета у сына и работа, у нас с мужем добиться процветания бизнеса здесь и на родине, дальше танцевать, кататься на байке, ездить к родителям, съездить ко всем друзьям в России и подольше побыть у всех»*

Из ответов следует, что собственное будущее визуализируют совместно с существующими членами семьи 13,9% мигрантов, не имеющих четкого смыслового обоснования продолжения миграции, и 15,3% мигрантов с четкой мотивацией миграции. При этом в группах мигрантов, живущих в другой стране «ради близких», и беженцев, «проживать» будущее вместе с существующими на момент опроса близкими готовы 23,9% и 25% ответивших, соответственно.

2) Ко второй подгруппе мы отнесли высказывания о гипотетической семье, которой пока нет, но она желаемая и ожидаемая. Так в перспективе будущего респонденты желают встретить свою вторую половинку, вступить в брак, создать семью: *«Я выйду счастливо замуж и реализую весь свой потенциал в этой стране», «Женюсь, обрету дом свой, приму духовного учителя», «Встреча близкого друга», «Найду свое женское счастье».*

Частотный анализ ответов по данной категории позволил выявить статистически достоверные различия в ответах респондентов из разных групп ($p = 0,043$): в группе мигрантов, не имеющих смыслового обоснования продолжения миграции, данные представления присутствуют у 19,4% ответивших, у мигрантов, имеющих четкую актуальную мотивацию миграции, – у 16,6%, у беженцев – у 15%, при этом у тех, кто живет в других странах «ради близких», эти представления присутствуют лишь у 4,2%.

3) В третью подгруппу вошли ответы, относящиеся к предполагаемому и желанному пополнению в семье, рождению детей или внуков: *«Рождение детей, покупка дома», «Родятся внуки».*

Анализ ответов отображает, что в группе мигрантов, не имеющих смыслового обоснования продолжения миграции, о пополнении мечтают 12,5% ответивших, у мигрантов, имеющих четкую мотивацию, – у 14,4%, у беженцев – 25%, при этом у тех, кто уехал за рубеж «ради близких», данный ответ указали лишь 7% респондентов.

Сводные результаты по обсуждаемой смысловой категории отображают высокую значимость существующей семейной системы для мигрантов, живущих за рубежом «ради близких»; образ этой семейной системы в проекции на будущее носит для них статичный, как бы застывший характер, существующая семья переносится в представления о будущем в неизменном, «законсервированном» виде, степень ожидания изменений и собственного развития в рамках семейной системы – низкая.

Конфигурация ответов в группе беженцев указывает на две равно выраженные тенденции: с одной стороны, – сохранения существующей семейной системы и, с другой, – ее активного развития в будущем. Степень ожидания изменений и развития в рамках семьи – высокая.

Что касается групп мигрантов, имеющих или не имеющих смысловое обоснование продолжения миграции, логика выбора ответов у них весьма схожа и отображает стремление к балансу между сохранением существующей семейной системы и ее расширения за счет появления новых членов, и как следствие, проживания новых ролей в семейной сфере. Степень ожидания изменений и развития в рамках семьи – средне-высокая.

В следующую значимую смысловую категорию вошли представления о будущем, связанные с **приобретением недвижимости и финансовым благополучием**: *«Покупка недвижимости, карьерный и профессиональный рост, повышение материального благополучия, развитие моей семьи», «Получение промежуточного финансового результата, который позволит стать более независимым в принятии решений», «Собственное жилье, пассивный доход, каждый год ходить Камино де Сантьяго, напишу книгу», «Мы купим дом с садом и оливковой рощей».*

Анализ ответов по данной категории позволил выявить статистически достоверные различия в ответах мигрантов из разных групп ($p = 0,007$): о приобретении собственного жилья в группе мигрантов, не имеющих смыслового самообъяснения миграции, мечтает 13,9% ответивших, среди беженцев – 15%, в группе мигрантов, имеющих четкую мотивацию миграции, – 25,6% респондентов, при этом у уехавших «ради близких» о приобретении собственной

недвижимости задумывается лишь 9,9%. Что касается улучшения финансового положения, имеется тенденция к преобладанию представлений о финансовой независимости у групп, не имеющих смыслового самообъяснения миграции, и у мигрантов, имеющих четкую мотивацию миграции, (9,7% и 9,9%, соответственно) и снижению в выборе данной категории ответов у мигрантов, уехавших «ради близких» и у беженцев (5,6% и 5%, соответственно).

Еще одной широко представленной в ответах респондентов категорией стала **«Работа»**, с вариациями «собственный бизнес», «проект», «построение карьеры»: *«Это скорее про мой план на будущее – продолжать учиться, чтобы потом поступить на следующий этап учебы, найти работу по новой специальности, совершенствоваться в этой и других сферах, продолжать заниматься активизмом. II в бытовом плане – Купить дом с участком и заниматься обустройством», «Подтверждение специальности и работа», «Цель на будущее – открытие своего салона, чтоб не работать в найме. Ну, и мечта – питомник собак, как только я смогу купить дом с достаточной территорией»*

Анализ ответов по данной категории позволил выявить статистически достоверные различия в ответах мигрантов из разных групп ($p = 0,040$): о построении успешной карьеры, развитии собственного бизнеса, достойной работе мечтает каждый второй респондент в группе беженцев; среди мигрантов, не имеющих смыслового самообъяснения миграции, данную категорию выбрали 38,9% ответивших; у мигрантов, имеющих четкую мотивацию миграции, – 32,6% респондентов; при этом у мигрантов, уехавших «ради близких», на работу и карьеру настроены лишь 21,1% опрошенных.

Что касается **повышения квалификации, освоения новых профессий**, имеется тенденция к преобладанию данных представлений у групп мигрантов, не имеющих смыслового самообъяснения миграции, у имеющих его, а также у беженцев (8,3%, 11,8% и 10%, соответственно) и снижению показателя у мигрантов, живущих в миграции «ради близких» (4,2%).

В категории **«Адаптация, интеграция, изучение языка»** мы также наблюдаем статистически значимые различия ($p = 0,014$) между ответами представителей разных групп: *«Интегрироваться и создать сплочённое сообщество, с которым я могу каждую неделю ходить в один и тот же бар. Если получится, сделать что-то для общества», «Выучу немецкий язык, найду работу в немецком банке», «Я выучу язык досконально. Буду работать по специальности. Моя жизнь будет комфортной», «Знать язык на должном уровне.*

Заниматься любимым делом», «Подтяну язык на новый уровень, найду новых клиентов, превращу увлечение в бизнес, выведу отношения на новый уровень».

Наиболее высокая мотивация к изучению языка и интеграции наблюдается у беженцев – каждый четвертый стремится освоить язык и ассимилироваться; в остальных группах представления в рамках данной категории встречаются лишь у 5–7% ответивших.

Еще одна категория, представленная в высказываниях респондентов, – это **«Легализация, получение ВНЖ/гражданства в новой стране»**. Анализ ответов выявляет статистически достоверные различия ($p = 0,032$): *«Получение гражданства и независимости», «Получение ВНЖ, рождение ребёнка» «Легализация в стране, появление хорошей работы».*

Как и в предыдущем блоке высказываний, наибольшую значимость данная смысловая категория ожидаемо приобретает в группе беженцев, в которой каждый пятый стремится в будущем легализоваться в новой стране, в остальных группах мигрантов процент заинтересованных в будущей легализации респондентов колеблется от 2,8% до 6,1% ответивших.

Еще одной категорией, отобразившей статистически значимые различия в ответах респондентов из разных групп, стала категория **«Возвращение на родину»** ($p = 0,000$): *«Построю дом. Вернусь на Родину. Заведу хозяйство и огород», «Возвращение на Родину. Счастливая семья. Отдых», «Поиск работы, развод, возврат домой».*

Так 15% беженцев предполагают вернуться на родину в будущем, среди мигрантов, живущих за рубежом «ради близких», об этом мечтает 8,5% ответивших, в двух других группах о возвращении задумываются менее 2 % ответивших.

Обсуждение результатов

Совокупная интерпретация результатов позволяет создать интегральные «профили» образа будущего для каждой из групп мигрантов, сформированных по типу ведущего смыслового самообъяснения миграции (см. рис. 4).

Как видно из рис. 4, наиболее экспансивно-разносторонним является «профиль» будущего у группы мигрантов-беженцев. Обращает на себя внимание представленность в образе будущего у этой группы как краткосрочного (изучение языка, легализация), так и долгосрочного (построение карьеры) планов развития, при этом активная позиция проявляется, несмотря на, казалось бы, взаимоисключающие векторы – адаптироваться в новой стране и вернуться на родину. Можно предположить, что в пространстве

настоящего миграция воспринимается респондентами-беженцами как зона интенсивного роста с реальными перспективами жизненного продвижения в будущем, что подтверждается выбором в пользу пожизненной миграции почти у половины ответивших.

Рис. 4. Распределение смысловых категорий при описании будущего у групп мигрантов с различным смысловым обоснованием продолжения миграции

«Профили» групп мигрантов, имеющих и не имеющих смысловое обоснование продолжения миграции, демонстрируют определенное сходство «контура» образа будущего, за исключением ярко выраженного стремления к приобретению собственного дома в широком смысле слова у мигрантов с четкой актуальной мотивацией миграции: *«Куплю домик у моря, посажу там сад и буду заниматься любимым делом»*. В отличие от них, мигранты, не имеющие смыслового обоснования продолжения миграции, в большей степени заинтересованы в развитии семейной сферы: *«Встречу любовь»*. Можно отметить, что контур жизненных интересов в этих группах менее развернутый, чем у беженцев, что, вероятно, объясняется уже пройденными этапами адаптации. При этом интерес к возвращению на родину отсутствует, что подтверждается выбором в пользу пожизненной миграции в ответе на вопрос о дальнейших ее перспективах. Исходя из конфигурации выбранных категорий, можно предположить, что миграция воспринимается мигрантами из этих групп как пространство для развития и самореализации, позволяющее достичь баланса между различными жизненными сферами и интересами.

Что касается «профиля» группы мигрантов, живущих в других странах «ради близких», то, прежде всего, обращает на себя внимание довольно узкий спектр проявленных жизненных интересов, практически ограниченных категориями существующей семьи и работы. Интерес респондентов из этой группы вызывает также возвращение на родину, дополняемое отсутствием заинтересованности в адаптации и интеграции в стране нахождения. Результаты ответов респондентов данной группы на вопросы о перспективах миграции и целеполагании подтверждают их выбор в пользу краткосрочной жизненной перспективы, ограниченного ситуативного контекста, в котором миграция является лишь фоном, не представляющим особого интереса. В «узоре» образа будущего у респондентов описываемой группы перспектива развития, личностного роста, самореализации проявлена слабо. Эта тенденция находит отражение в исследованиях других ученых. Так испанские психологи Гарсия-Мина и Карраско отмечают, что женщины, мигрировавшие из стран Латинской Америки в Испанию ради помощи семьям, оставшимся на родине, с большим трудом визуализируют свое будущее за пределами периода в шесть – максимум девять месяцев (García-Mina, Carrasco, 2002).

Выводы

В ходе проведенного исследования получены следующие выводы: Образ будущего – значимый ориентир ввиду своей смыслообразующей перспективы, потенциальности, ключевой роли в организации семейной системы, вектора развития и самореализации мигранта в контексте миграции.

У групп мигрантов, сформированных по типу мотивации продолжения миграции, образ будущего, перспективы целеполагания и ожидаемая продолжительность миграции значительно различаются.

Так мигранты, имеющие четкую мотивацию продолжения миграции, склонны ставить перед собой среднесрочные и долгосрочные цели, рассматривают миграцию как пожизненный проект и формируют динамичный образ будущего, включающий развитие семейной и трудовой сфер, реализацию собственных проектов, создание прочной материальной базы.

Мигранты, не имеющие смыслового обоснования продолжения миграции, менее расположены строить планы в принципе, целеполагание ориентировано на краткосрочную и среднесрочную перспективу. В образе будущего в большей степени преобладает

настрой на семью и в меньшей – на карьеру или развитие материальной сферы.

Похожая тенденция к принципиальному отсутствию планирования или краткосрочному ситуативному планированию прослеживается также в группах беженцев и тех мигрантов, которые находятся в других странах «ради близких». Однако если беженцы визуализируют свое будущее в ключе активного развития практически всех жизненных сфер, включающего интеграцию в новой стране, мигранты, живущие за рубежом «ради близких», демонстрируют выраженный интерес лишь к двум ценностным категориям: существующей семье и работе, не проявляя заинтересованности в раскрытии собственного потенциала за счет поиска, освоения и реализации возможностей, имплицитно существующих в новой стране проживания.

Подводя итог исследования, отметим, что тема образа будущего в применении к проблематике миграции весьма перспективна ввиду ее значительного ресурсного потенциала. Важно и необходимо продолжать изучение особенностей формирования перспективы будущего у мигрантов для диагностики, психопрофилактической работы и психотерапевтической помощи мигрантам на разных этапах миграционного цикла.

Литература

- Бинсвангер, Л., Кун, Р. [Binswanger, L., Kuhn, R.] Экзистенциальный анализ. М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2017.
- Бусыгина, Н.П. Методологические основания качественных исследований в психологии. Дис. ... канд. псих. наук. Московский городской психолого-педагогический университет, Москва, 2010.
- Вардомацкий, А.П. Аксно-биографическая методика // Социологические исследования. 1991. № 7. С. 80–84.
- Гибсон, Л.К. [Gibson, L.C.] Выбираю себя. Руководство по поиску своего пути в жизни. Нижний Новгород: Издательство Елены Терещенковой, 2021.
- Гришина, Н.В. Экзистенциальная психология: учебник. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2018.
- Гуревич, А. Мотивация эмиграции. СПб.: Речь, 2005.
- Коржова, Е.Ю. Психология жизненных ориентаций человека. СПб.: Изд-во РХГА, 2006.
- Кроник, А.А., Головаха, Е.И., Пажитнов, М.А. Сколько Вам лет? (Линия жизни глазами психолога). М.: Школа Пресс, 1993.
- Леонтьев, Д.А. Психология смысла. М.: Смысл, 2007.

- Маховская, О.И.* Соблазн эмиграции или Женщинам, отлетающим в Париж. М.: ПЕРСЭ, 2003.
- Мэй, Р. [May, R.] Любовь и воля. М.: ИОИ, 2016.
- Психология кризисных и экстремальных ситуаций: индивидуальные жизненные кризисы; агрессия и экстремизм: учебник / Под ред. Н.С. Хрустальной. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2016.
- Россия входит в пятерку лидеров как по числу мигрантов, так и по числу граждан страны, проживающих за рубежом / Новости ООН. Глобальный взгляд. Человеческие судьбы, 2021. URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/01/1394392> (дата обращения 20 мая 2023)
- Рязанцев, С., Письменная, Е., Лукьянец, А., Сивоплясова, С., Храмова, М. Современная эмиграция из России и формирование русскоговорящих сообществ за рубежом // Мировая экономика и международные отношения. Ежемесячный научный журнал. 2018. № 6. С. 100.
- Сорокова, М.Г. Математические методы в психолого-педагогических исследованиях: Учебное пособие. М.: Неолит, 2020
- Франкл, В. [Frankl, V.] Сказать жизни «Да!». Психолог в концлагере. М.: Альпина нон-фикшн, 2018.
- Хорошилов, Д.А. Критерии валидности качественного исследования в социальной психологии. Дис. ... канд. псих. наук. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, 2012.
- García-Mina, A., Carrasco, M.J. Cuestiones de género en el fenómeno de las migraciones. Madrid: Universidad Pontificia Comillas, 2002.
- Tomas, W.I., Znaniecki, F. El campesino polaco en Europa y en América. Madrid: Boletín Oficial del Estado: Centro de Investigaciones Sociológicas, 2006.

Сведения об авторе

Полина В. Лупуляк, соискатель ученой степени кандидата психологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 6; polinalupuliak@mail.ru

Lupulyak P.V.

The image of the future among migrants
with different motives for continuing to migrate

St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

The current issue of migration from a purely existential humanistic perspective is discussed in the article. A particular emphasis is given to the theoretical prerequisites for the implementation of this approach. The notion of migration, as an aspect of the human life cycle, holds the status of a bifurcation point, and its persistence is attributed to the migrant's abilities for semantic self-explanation of the rationales behind their continuous migration throughout its various stages. The objective of this article was to scrutinize the outcomes of a study examining the correlation between the prospects of goal setting, the forecast of migration duration, and the vision of the future of migrants with distinct types of semantic justifications for the continuation of the migration project. Namely, these types include migrants with a clear motivation to migrate, migrants who lack a semantic self-explanation for the continuation of migration, migrants who are in migration for the sake of relatives, and migrant refugees. The main determinants of the significance of the vision of the future in the context of migration are outlined. The issue of limiting or minimizing the likelihood of future migration-related opportunities is examined. It is argued that the prospects of setting goals and planning the expected timing of migration are key elements in shaping migrants' vision of the future. The main semantic categories that make up the vision of the future are identified and their correlation when combined into a holistic image is explored. The article describes the characteristic features of the vision of the future for each of the migrant groups, divided according to the principle of semantic self-explanation for the continuation of migration. Future vision configurations are created for each group representative. The analysis helps to establish the relationship between the leading semantic component of the justification for continued migration, the planning horizon, the contemplated prospects of migration, and the migrants' vision of the future.

Key words: motivation for migration, psychology of migration, psychological well-being, image of the future, goal-setting, migration duration, motives for continuing to migrate

For citation: Lupulyak, P.V. (2024). The image of the future among migrants with different motives for continuing to migrate. *New Psychological Research*. No. 1, 79–98. DOI: 10.51217/npsyresearch_2024_04_01_04

References

Binswanger, L., & Kuhn, R. (2017). *Existential Analysis*. Moscow: Institut Obshchegumanitarnyh Issledovaniy.

- Busygina, N.P. (2010). *Methodological foundations of qualitative research in psychology* (Doctoral dissertation). Moscow State University of Psychology & Education, Moscow.
- Frankl, V. (2018). *Yes To Life: In Spite of Everything*. Moscow: Al'pina non-fikshn.
- García-Mina, A., Carrasco, M.J. (2002). *Cuestiones de género en el fenómeno de las migraciones*. Madrid: Universidad Pontificia Comillas.
- Gibson, L.C. (2021). *Who You Were Meant to Be: A Guide to Finding or Recovering Your Life's Purpose*. Nizhny Novgorod: Izdatelstvo Eleny Tereschenkovoy.
- Grishina, N.V. (2018). *Existential Psychology: Handbook*. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta.
- Gurevich, A. (2005). *Motivation for emigration*. St. Petersburg: Rech.
- Horoshilov, D.A. (2012). *Validity criteria for qualitative research in social psychology*. (Doctoral dissertation). Lomonosov Moscow State University, Moscow.
- Hrustaleva, N.S. (Ed.). (2016). *Psychology of crisis and extreme situations: individual life crises; aggression and extremism: Handbook*. St. Petersburg: Izd-vo SPbGU.
- Korzhova, E.Yu. (2006). *Psychology of human life orientations*. St. Petersburg: RHGA.
- Kronik, A.A., Golovaha, E.I., & Pazhitnov, M.A. (1993). *How old are you? (Life-line through the eyes of a psychologist)*. Moscow: Shkola Press.
- Leontiev, D.A. (2007). *Psychology of meaning*. Moscow: Smysl.
- Mahovskaya, O.I. (2003). *The temptation to emigrate or Women flying to Paris*. Moscow: PERSE.
- May, R. (2016). *Love and Will*. Moscow: IOI.
- Riazantsev, S., Pismennaya, E., Lukyanets, A., Sivoplyasova, S., & Khramova, M. (2018). Emigration from Russia and Formation of Russian-speaking Communities Abroad. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. Ezheemesyachnyi nauchnyi zhurnal*, 6, 100.
- Russia is among the top five leaders both in the number of migrants and in the number of citizens living abroad. (2021, January 15). Novosti OON. Global'nyi vzglyad. Chelovecheskie sud'by. Retrieved from <https://news.un.org/ru/story/2021/01/1394392>
- Sorokova, M.G. (2020). *Mathematical methods in psychological and pedagogical research: Handbook*. Moscow: Neolit.
- Tomas, W.I., Znaniecki, F. (2006). *El campesino polaco en Europa y en América*. Madrid: Boletín Oficial del Estado: Centro de Investigaciones Sociológicas.
- Vardomatskiy, A.P. (1991). Axio-biographical method. *Sociological research*, 7, 80–84.

Information about the author

Polina V. Lupulyak, degree candidate, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; bld. 6, emb. Makarova, St. Petersburg, Russia, 199034; *polinalupulyak@mail.ru*